

Рис. 3. Залізні вудила і псалій з кургану № 13 біля с. Стеблів.

УДК 903

КРУГЛЫЕ ЛИСТОВЫЕ БЛЯХИ ИЗ АЛЕКСАНДРОПОЛЬСКОГО КУРГАНА

Леонид БАБЕНКО (Харьков), Станислав ЗАДНИКОВ (Харьков)

У статті проведено аналіз кількісного та якісного складу однієї із категорій прикрас поховального кортежу Олександропільського кургану – круглих листових блях.

Ключові слова: скифи, Олександропільський курган, поховальний кортеж, Державний Ермітаж, Харківський історичний музей.

В статье произведен анализ количественного и качественного состава одной из категорий украшений погребального кортежа Александропольского кургана – круглых листовых блях.

Ключевые слова: скифы, Александропольский курган, погребальный кортеж, Государственный Эрмитаж, Харьковский исторический музей.

The article analyses the numerical and quantitative composition of one the adornments of the Alexandropolsky tumulus funeral cortege – the round sheet metal plate.

Key words: Scythians, Alexandropolsky tumulus, funeral cortege, The State Hermitage Museum, Kharkiv History Museum.

Четверть тысячелетия отделяет нас от раскопок Мельгуновского кургана – первого из исследованных погребально-поминальных памятников скифов, материалы которого полноценно задействованы в научном обороте. Чрезвычайно насыщенный предметами ближневосточного импорта, комплекс Мельгуновского кургана, выпавший в землю на рубеже украинской Степи и Лесостепи, имел, вероятно, и очень интересную историю своего формирования, проследить которую мы, к сожалению, уже не сможем. Не менее захватывающе сложилась и послераскопная судьба предметов этого комплекса, испытавшего на себе и внимание ряда августейших особ, и лихолетье сурового двадцатого

столетия, прежде чем стать украшением коллекций двух музейных собраний – Государственного Эрмитажа (далее – ГЭ) и Харьковского исторического музея (далее – ХИМ) [1; 2].

Участь части коллекции Мельгуновского кургана, переданной в 1932 году по решению Паритетной комиссии из ГЭ в Украину, разделили предметы еще из пяти скифских курганов – Александропольского, Шульговки, Чмыревой Могилы, Ильинецкого и Первого Мордвиновского. Каждый из перечисленных памятников имеет уникальную судьбу – по составу коллекции, истории раскопок либо по своему месту в кругу древностей скифской эпохи. Но и в этом созвездии первостатейных комплексов скифской археологии своим масштабом выделяется Александропольский курган – один из представителей “большой четверки” курганов IV в. до н. э., традиционно связываемых непосредственно с персонами скифских царей¹. Наибольшая по числу переданных из Эрмитажа в 1932 году предметов², коллекция Александропольского кургана понесла очень весомые потери, однако по количеству вещей, переживших перипетии оккупации и эвакуации, она оказалась наиболее представительной. В настоящее время переданные в Украину материалы из Александропольского кургана находятся в фондах двух харьковских музеев – ХИМа и Музея археологии и этнографии Слободской Украины при Харьковском национальном университете им. В.Н. Каразина (далее – МАЭСУ). Сохранились: в ХИМе – навершие с изображением женского божества [3], золотые каплевидные подвески, золотые бляшки трех видов штампа – с оленем, 8-лепестковым цветком и аканфом (еще 24 александропольские золотые бляшки вместе с двумя серебряными наконечниками ножек из Мельгуновского кургана были похищены из экспозиции отдела истории феодального общества ХИМа 1 мая 1957 года [2, с.24]), в МАЭСУ – лунницы - 9 крупных фрагментов и 12 обломков одного луча, 64 бронзовые пронизи, фрагмент наборного серебряного пояса, 7 серебряных бляшек с грифоном в обломках. Но наиболее репрезентативной оказалась коллекция круглых вырезных блях – гладких и в виде многолепестковых розеток – являющихся украшением погребального кортежа. В ХИМе находится более 100 подобных блях, в МАЭСУ – более 300.

Бляхи были обнаружены в 1853 году в западной части насыпи кургана, “в $3\frac{3}{4}$ сажени от основания и на протяжении одной сажени”

¹ В последнее время отсутствует единодушие на этот счет – традиционной точкой зрения, относящей Александрополь к высочайшим скифским курганам (высота 21 м) [27, с. 146], оппонирует Ю.В. Болтрик, считающий эти параметры завышенными (высота 17 м). Исследователь причисляет погребенных в Александрополе к более низкому рангу членов царской семьи [28, с. 86, 88].

² Всего из этого комплекса в Украину было передано по меньшей мере 4339 предметов (534 инвентарных номера), в Эрмитаже для снятия гальваноконий оставлено 79 предметов. Подсчет произведен по данным Списка оставленных и Описи передаваемых предметов, копии которых переданы в ХИМа из ГЭ в 1964 году [2, с. 21].

(ДГС I, с. 5) или “на высоте от основания кургана до 4 саженой, почти посредине кургана” (Лазаревский, 1894, с. 28). В этом месте были выявлены остатки деталей и украшений погребальных повозок в виде скопления металлических шин и скреп от колес “весом до 5 пудов”³, 6 бронзовых наверший (два с птицами и четыре с грифонами), вырезные пластины – зооморфные и в виде многолепестковой пальметты, колокольчики, пронизки и круглые листовые бляхи различных вариантов.

В научном обороте информация о количестве и составе бронзовых листовых блях из Александропольского кургана довольно противоречива. Основным источником, используемым исследователями для подсчета блях, являлись сведения, почерпнутые из Древностей Геродотовой Скифии, где приведены следующие данные:

“7) Триста восемнадцать медных, несколько вогнутых блях.

8) Пятьсот десять подобных же бронзовых блях, с вытиснутой на них розеткой...

9) Двенадцать плоских бронзовых блях;

10) Двести сорок четыре бронзовых полубубенчика” [4, с. 6].

Но уже в работе Я. Лазаревского указаны несколько иные значения, а именно:

“8) 315 медных круглых блях.

9) 510 медных блях в виде звездочки.

10) 244 бронзовых бляшек, в роде ячеек

12) 12 плоских блях” [5, с. 29].

В последующих работах, касавшихся этой проблемы, количественный и номинативный состав блях также не всегда совпадает – например, это 318 блях с гладкой поверхностью и 510 с тисненым орнаментом в виде розетки [6, с. 49; 7, с. 318; 8, с. 252], 838 круглых блях [9, с. 106], 838 круглых и 234 треугольных [10, с. 46]. Но если у круглых блях большого и среднего (с тисненой розеткой) диаметра разнятся только данные по их количеству, то значительно больше возникло недоразумений с атрибуцией бляшек, названных в первичной публикации “полубубенчиками” [4, с. 6]. В дальнейшем они именовались “бляшками в роде ячеек” [5, с. 29], “треугольными” [10, с. 46], либо вообще не были упомянуты при подсчетах [6, с. 49; 7, с. 318; 8, с. 252; 9, с. 106].

Однако все эти противоречия легко разрешаются при обращении к инвентарной книге ГЭ, в которой дано относительно подробное описание блях и указано их более точное количество, заслуживающее высшей степени доверия, т.к. музейные предметы были подсчитаны после проведенных реставрационных работ и всех ступеней музейного учета.

³По подсчетам С.В. Полина они принадлежали, по меньшей мере, 10–15 колесам [8, с. 281]. Однако, “слипнувшиеся и перержавевшие до того, что крошились при вынимании” [4, с. 5], эти остатки деталей колес, судя по отсутствию записей в инвентарной книге, не были переданы на хранение в Эрмитаж и были потеряны для науки еще в процессе раскопок.

Нижче приводиться выдержка из инвентарной книги в части, касающейся бронзовых вырезных блях различной формы⁴:

“151. 1/17. Триста тридцать семь бляшек бронзовых штампованных в виде шестилепестковой розетки, обрамленной шнуровым орнаментом; три отверстия по краю. Диамет. 0,033–0,035⁵.”

152. 1/18. Сто семьдесят пять бляшек бронзовых штампованных круглых в виде семилепестковой розетки; три отверстия для пришивания. Диамет. 0,035.

153. 1/19. Бляшка бронзовая штампованная, почти круглая, в виде восьмилепестковой розетки; по краю три отверстия. Диамет. 0,027–0,030.

156. 1/22. Двести двадцать пять бляшек бронзовых круглых выпуклых с двумя отверстиями у края. Диамет. – 0,019.

157. 1/23. Четыреста тринадцать блях бронзовых круглых слегка выпуклых разного диаметра с одиночными и парными отверстиями по краю; некоторые скупелись; одна бляха с гравировкой – часть рисунка большого предмета. Диамет. 0,038–0,078.

172. 1/38. Сгусток из связанных окисью бронзовых: колокольчика, двух трубочек, бляшки-розетки.

173. 1/39. Три обломка бронзовой гравированной пластины вырезной в виде грифона влево; с обеих сторон привязаны окисью: трубочки, подвески с кольцами и пронизками и бронз. штампованная бляшка-розетка.

175. 1/41. Мелкие обломки гладких бронзовых блях – коробка.

177. 1/43. Девять подвесок бронзовых в виде неправильных треугольных пластинок разной величины с закругленным нижним краем. Выс. 0,02–0,029. Шир. 0,029–0,039”.

Также в инвентарной книге ГЭ имеется группа находок 1851–1856 гг., вероятно, депаспортизированных внутри самой александропольской коллекции. Среди них интерес представляет следующая запись:

“643. 1/78. Бляшка бронзовая круглая с двумя отверстиями и около десятка мелких бронзовых обломков. Диаметр бляшки 0,018–0,2, высота 0,005”.

Эти данные позволяют уточнить все отмеченные выше проблемные позиции. Во-первых, круглых блях большого диаметра было не 315 или 318, а, по меньшей мере, почти на 100 больше – 413 (без не подающихся подсчету “мелких обломков” из коробки). Во-вторых, стало известно не только общее количество блях с розетками, но число каждой позиции, а

⁴ Выражаем признательность заведующему Отделом археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа А.Ю. Алексееву и старшему научному сотруднику Отдела археологии раннего железного века Института археологии НАНУ С.В. Полину за возможность ознакомиться с этим ценнейшим источником.

⁵ Еще одна такая бляшка изображена прикипевшей к рамке одного из наверший с грифоном [4, табл. IV, 1,2], однако при описании наверший в инвентарной книге она не упомянута. Вероятно, в ходе реставрации она была отделена и подсчитана в общем количестве бляшек.

именно – 337 с 6-лепестковой розеткой и 175 с 7-лепестковой. Кроме этого, еще 2 бляхи с розетками находились в неразделенных реставраторами “сгустках” бронзовых предметов, а также учтен неизвестный ранее вариант бляшки с 8-лепестковой розеткой. Таким образом, общее количество блях с розетками равняется 515, что также несколько превышает данные, фигурирующие в научном обороте (510). Наконец, совершенно проясняется ситуация с “полубубенчиками”, “ячейками” и треугольными бляшками. Это оказались также круглые бляшки небольшого диаметра (1,9 см). В инвентарной книге среди находок 1853 года указанное их количество равняется 225, а с учетом находок 1851–1856 гг. (считая обломок за одну бляшку) – 236. Это несколько меньше данных научного оборота (244), что, вероятнее всего, связано с их утерей при хранении, поэтому наиболее приемлемым представляется учитывать при подсчете их максимальное число, а именно – 244. Треугольных бляшек всего 9, что существенно меньше данных (234), указанных в одной из сводок [10, с.46].

Чтобы обозрение о круглых листовых бляхах Александропольского кургана было исчерпывающее полным, следует упомянуть еще о нескольких находках 1852 года. В ДГС информация о результатах раскопок этого года крайне обобщена, но при обращении к той же эрмитажной инвентарной книге обнаруживаем, что в этот сезон в разных частях насыпи кургана было также найдено несколько листовых блях, а именно. В южной части насыпи:

“1/6. Две бляхи бронзовые круглые выпуклые с четырьмя отверстиями по краю. Диамет. 0,062–0,064.

1/7. Две бляхи бронзовые круглые слегка выпуклые с четырьмя отверстиями по краю. Диамет. 0,037–0,038”.

В восточной части насыпи:

“1/20. Две пластинки медные треугольные с выпуклым точечным орнаментом по краю; на каждой три отверстия. Шир. 0,044.

1/23. Две бляшки бронзовые круглые выпуклые с двумя отверстиями в каждой для прибивания. Диамет. 0,025 и 0,026”.

О вероятной принадлежности этих блях к комплексу украшений погребального кортежа дополнительно свидетельствуют обнаруженные вместе с ними фигурные вырезные пластины с изображением животного с раскрытой пастью и трубочки-пронизки, аналогичные находкам 1853 года.

Следовательно, общее количество круглых листовых блях (включая мелкие) из Александропольского кургана по данным инвентарной книги равняется 1172, а с учетом находок 1852 года – 1178, что существенно превышает число, используемое в научном обороте прежде и является наибольшим среди известных к настоящему времени комплексов подобного круга.

Как было отмечено выше, при передаче материалов Александропольского кургана в Украину его коллекция была разделена на две части. Меньшая, но состоящая из наиболее ярких вещей, была оставлена в ГЭ для снятия гальванических копий; большую получила украинская сторона, которая поступила на хранение в Украинский государственный исторический музей в Харькове, на то время столице республики. Круглые листовые бляхи были переданы в Украину полным составом.

В начале Великой Отечественной войны коллекция исторического музея была разделена на две части. Наиболее ценные экспонаты - изделия из драгоценных металлов, коллекции медалей и монет, знамена, предметы живописи – были эвакуированы на восток страны, в Уфу. Археологические коллекции исторического музея, оставшиеся в оккупации, вошли в состав вновь созданного Музея Слобожанщины, а с лета 1942 года были задействованы, вместе с фондами Археологического музея Харьковского университета, при создании оккупационными властями т. н. Археологической выставки (подробнее смотри: [2, с. 22–24]). При разделе коллекции по неведомым соображениям часть листовых блях была отправлена в эвакуацию, часть – оставлена в городе. Несмотря на злоключения эвакуации и гибель подавляющей части коллекции вследствие прямого попадания авиабомбы в один из вагонов на станции Алексеевка Белгородской области, значительная часть листовых блях была возвращена в 1944 году из Уфы (а именно: 91 крупная, 1 средняя и 1 маленькая бляхи; а также по одной с 6- и 7-лепестковыми розетками). Эти бляхи были учтены по “вещественной группе”, затем по группе “Металл” и только в 90-е годы переданы в археологические фонды музея.

Оставленная часть блях была использована при создании Археологической выставки, один из залов которой освещал тему “Скифия Греция” [11, с. 225]. 14–19 февраля 1943 года, во время первого освобождения Харькова, выставка сгорела, пожарище стали разбирать только с осени этого же года, после вторичного освобождения города, на протяжении трех лет. При извлечении из пожарища вещей И.Ф. Левицким составлялся реестр найденных предметов, среди которых указаны круглые бронзовые бляхи и их фрагменты (комната 6, “Греция и Скифия”, №№ 88, 144, 145, 163), причем уже тогда было опознано их происхождение из Александропольского кургана. При возобновлении учетной документации в 1952 году по инвентарной группе “Археология” было учтено около 20 круглых блях разного диаметра, происходящих из сожженной выставки. При переинвентаризации археологических фондов в 70-ые годы 18 этих блях вошли в состав одной из коллекций (Арх.96/12-29). От блях, возвращенных из эвакуации и имеющих приятный золотистый цвет, их

отличают множественные следы пребывания в огне – оплавленность, копоть, утеря больших или малых фрагментов, трещины.

Отсутствует какая-либо документация и о поступлении александропольских блях в МАЭСУ. Вся “александропольская коллекция” внесена с инвентарную книгу под №№ 74-88 в 1945 году без объяснений и уточнений обстоятельств поступления. Перед войной Археологический музей университета располагал богатейшим собранием, насчитывающим до 200 тысяч экспонатов [12, с. 106], однако доподлинно неизвестно, досталась ли этому учреждению какая-то часть эрмитажной коллекции скифских древностей. Фонды Археологического музея эвакуированы не были, в период оккупации подвергались разграблению и также были использованы при создании Археологической выставки. После разбора пожарища многие предметы, принадлежавшие до войны археологическому музею, оказались в собрании ХИМа (к примеру, бронзовые удила из эпонимного Черногоровского кургана [13, с. 25], кувшин из кургана № 2 у хут. Настельного [14, с. 209] и прочие). Незаинтересованность представителей исторического факультета университета в возвращении уцелевших экспонатов со сгоревшей выставки следует, вероятно, объяснять тем, что возрождение университетского музея связывалось, прежде всего, возобновлением собственных археологических исследований [12, с. 107].

Однако не приходится сомневаться, что И.Ф. Левицкий не был единственным “спасателем” наследия сгоревшей выставки. Так, в 1959 году при строительных работах на улице Шота Руставели рабочими был обнаружен и передан в исторический музей т. н. “харьковский клад”, состоявший из 236 предметов широкого хронологического диапазона – от неолита (фрагменты керамики и изделия из кремня) до позднего средневековья (глиняные трубки). На некоторых предметах сохранились старые музейные номера, многие из них имели следы пребывания в огне, т. е., есть все основание полагать, что эти вещи в свое время были собраны на пожарище выставки неизвестным “старателем” для личной коллекции. Возможно, что и александропольские бляхи, находящиеся сейчас в МАЭСУ, также были кем-то подобраны на этом пожарище и переданы в восстанавливаемый университетский музей. Однако со стороны университетского музея это был, в отличие от систематических и санкционированных работ, проводимых И.Ф. Левицким, случайный эпизод.

Ниже приводится описание блях, находящихся в коллекциях ХИМа и МАЭСУ в настоящее время.

Листовые бляхи с гладкой поверхностью.

Вариант 1. Бляхи крупных и средних размеров.

Наличествуя бляхи как в форме геометрически правильного круга, так и подовальной формы, с разницей продольного и поперечного

діаметров от 0,1 до 0,6 см. По данным инвентарной книги ГЭ бляхи имели диаметр от 3,8 до 7,8 см. Последнее значение является максимальным для подобных предметов – наибольшие бляхи из Бабиной и Гаймановой Могил имели диаметр 7,2 см [7, с. 318; 8, с. 252]. Однако таких крупных блях не сохранилось, в коллекции ХИМ наибольшие имеют диаметр 6,8 см, в МАЭСУ – 7 см. Из возвращенных из эвакуации блях есть в наличие одна с диаметром 3,8 см, две – 4,9–5,0 см, размеры остальные укладываются в следующие параметры: 5,2–5,8 см – 28 экз., 5,9–6,3 – 37 экз., 6,4–6,8 – 25 экз. Диаметр блях МАЭСУ – 5,4–7 см. ХИМ: Арх.845, 847–864, 866–891, 893-935; Арх. 96/12–29; МАЭСУ: №№ 81, 86, 87 (рис.1, 1, 3, 4; 2, 4, 5, 7–9).

Толщина бронзового листа неравномерна и варьируется от практически “невесомых” (0,2 мм) до сравнительно массивных (1 мм) блях. В некоторых случаях разную толщину листа может иметь одна и та же бляха, к примеру – с одного края 0,5–0,6 мм, а с противоположной стороны до 1 мм.

Диаметр отверстий от 0,15 до 4 мм, но в подавляющем большинстве случаев превалирует 0,2-0,3 см. Количество и расположение отверстий различно. Преобладают бляхи с 4 отверстиями, размещенными крестообразно. У 11 блях пробито 8 отверстий, расположенных попарно и также крестообразно. Очевидно, что оба случая предполагали и разный способ крепления – либо через отверстие и край бляхи, либо через два отверстия. Известны и иные варианты пробитых отверстий – 3 одинарных (3 случая), 6, расположенных попарно (1 случай; еще 3 таких бляхи сохранилось в МАЭСУ, причем одна из них имеет еще одно отверстия квадратного сечения, возможно, позднего происхождения), 5 одинарных (1 случай).

Для пробивания отверстий использовался круглый в сечении пробойник. Отверстие вырубалось как с внешней, выпуклой (49 случаев), так и с внутренней, вогнутой (38 случаев) стороны. Иногда (как правило, у более тонких блях) отверстие вырублено настолько сильно и аккуратно, что полностью отсутствуют заусеницы. В некоторых же случаях на стороне, противоположной нанесению удара, по периметру отверстия образовывались заусеницы, которые могли в дальнейшем как развальцовывать, так и оставлять без обработки. Кое-где после пробивания вырубленный кружок продолжал держаться за край отверстия. В этом случае кружок чаще всего отрывали, иногда неаккуратно, вследствие чего образовывался надрыв, разрывающий цельность кружка. Но иногда недорубленный кружок не отрывался, а пригибался к внутренней стороне бляхи (рис. 2, 11; нижнее отверстие).

В инвентарной книге ГЭ учтено 413 таких блях. Сохранилось - в ХИМе: из возвращенных из эвакуации – 87 экземпляров (еще четыре - с заклепкой и гравировкой на лицевой стороне – рассмотрены ниже

отдельно), из собранных на сожженной выставки – еще 18 блях; в МАЭСУ – 21 (из них 18 – с 4-мя отверстиями).

Вариант 2. Бляхи маленькие.

Диаметр 1,8–1,9 см. Бляшка очень тонкая, толщина листа – 0,2 мм (рис.1, 2; 2, 1). С внутренней стороны бляшки пробито 2 отверстия диаметром 0,2 см, расположенных по краю друг против друга (ХИМ: Арх. 936).

Именно эти бляхи, не совсем удачно наименованные в первых публикациях “полубубенчиками” или “ячейками”, долгое время оставались вне внимания исследователей. Согласно ДГС их было 244 (ДГС I, с.6), в инвентарной книге ГЭ учтено 225, в коллекции ХИМа сохранилась всего одна бляшка.

Еще две бляшки несколько больших размеров (диаметр 2,5–2,6 см), также с двумя пробитыми отверстиями были обнаружены в восточной части насыпи в 1852 году.

Маленькие бляхи с двумя отверстиями были выявлены в Краснокутском кургане (диаметр 1,7–2,8 см) [6, с. 46, рис. 13, 1–6)], Бабиной Могиле (диаметр 1,7–2,0 см) [7, с. 318, рис. 51, 7–9]. Известны подобные бляхи и среди украшений конской узды – Второй Мордвиновский курган [15, с. 56, рис. 8, 19].

Листовые бляхи с гравированным орнаментом.

Три бляхи диаметром 6,8 и 6,5–6,6 см. Толщина листа 0,5 мм. С наружной стороны пробито 4 отверстия диаметром 0,2–0,3 см, расположенных крестообразно (ХИМ: Арх. 844, 846, 865).

Вся внешняя поверхность двух блях покрыта гравированным орнаментом в виде извилистых многожильных пучков, перекрывающих друг друга – на одной из блях бессистемно, в центре второй находится пара волют, которую сверху перекрывает, а снизу подстилает пара симметричных прядей. Более всего это напоминает косматые, закрученные в завитки пряди волос (рис.1, 7, 8; 2, 10). Похожие космы, но исполненные в ином материале и технике, можно видеть на фаларах из Чмыревой и Бабиной Могил, Огуза с изображением Медузы Горгоны, Геракла, молодого и старого Сатиров, стленгиде из Большой Близницы [16, рис. 44, 45, 48; 17, с.233; 7, табл.7, 1–4; 18, рис. 97, 99].

Еще одна бляха содержит следы какой-то разметки, но не связанной, как в некоторых случаях, с пробивкой отверстий [19, с. 71, рис. 5, 2; 8, с. 251], а совершенно неясного назначения – в виде прямой линии, прочерченной касательно двух отверстий, от которой отходят 6 перпендикулярных отрезков длиной около 1 см, а также 3 параллельных, слегка дуговидных линий (рис.1, б).

В Краснокутском кургане некоторые бляхи имели следы гравировки, нанесенной на лист до вырезания блях [6, с. 46, рис. 13, 13]. Бляха с

“волнистым орнаментом”, возможно, близкая александропольской, была обнаружена в Толстой Могиле, но в монографии есть только упоминание о ней, а рисунок отсутствует [20, с. 118].

Несомненна “вторичность” этого орнамента. Бляхи с подобной “случайной” орнаментацией обнаружены также в Толстой (рельефная лента; 12-13-лепестковая розетка; ветка с парными листьями; многожильная плетенка) и Бабиной (12-лепестковая розетка, “македонская звезда”) Могилах [20, с. 117, 118, рис. 101, 6, 8–12; 7, с. 253, рис. 372, 2–7, 9]. Б.Н. Мозолевский и А.И. Мелюкова объясняют появление подобных изображений на бляхах вторичным использованием уже орнаментированных листов, из которых они вырезались [20, с. 118; 6, с. 46]. С.В. Полин разделяет это мнение в отношении блях, орнаментированных плетенкой, а изображение розеток связывает с апробацией штампа, подготовленного для других работ [7, с. 253, 256]. Не исключено, что и в нашем случае мастер оттачивал свои навыки приемов гравировки.

Листовая бляха с заклепкой в центре.

Диаметр 5,4–5,5 см. Бляха имеет пробитые изнутри два двойных отверстия, одно одинарное, еще одно отверстие находится возле оторванного края, поэтому его характер определить невозможно. Диаметр отверстий 0,2–0,3 см, толщина бляхи 0,4 мм. В центре бляхи расположена круглая заклепка, петля с обратной стороны отсутствует (рис. 1, 5; 2, 6) (ХИМ: Арх. 892).

Вероятнее всего вторичное использование этой бляхи (если, конечно, и она не послужила своеобразным “тренажером” для отработки слесарных навыков), имевшей первоначально дужку, соединенную с бляхой металлическим штырьком, продетым сквозь отверстие в центре и расклепаным на лицевой стороне в округлую шишечку. Схожий способ крепление дужки к бляхе широко употреблялся при изготовлении бронзовых, серебряных и золотых уздечных блях, известных по находкам целого ряда комплексов (Чертомлык, Огуз, Мелитопольский курган, Козел, Толстая, Страшная и Водяная Могилы) [7, с. 302]. Б.А. Шрамко выделял подобные бляшки в отдельную серию, характерной особенностью которой являлось раздельное изготовление ушек и щитка. Технология крепления ушка (литье, заклепка, паяние) требовала более высокой степени организации труда, что, по мнению исследователя, свидетельствовало об их изготовлении в античных мастерских [21, с. 99].

В случае с александропольской бляшкой от реставрации сломанной петли отказались и использовали бляху для декора погребального кортежа, пробив в ней сквозные отверстия.

Листовые бляхи, орнаментированные розеткой.

Вариант 1. С 6-лепестковой розеткой.

Бляшки круглые в виде розетки с выпуклой сердцевиной и шестью лепестками трапециевидной формы, обрамленных по периметру орнаментом в виде витого шнура. Диаметр 3,3 см. Имеют три отверстия диаметром 0,2–0,3 см, пробитые с лицевой стороны. Толщина листа – 0,1–0,4 мм (рис.1, 10; 2, 3).

В инвентарной книге ГЭ учтено 337 блях, в ХИМе хранится 1 бляха (Арх.951), в МАЭСУ – 173 бляхи (инв. №№ 75, 77, 82, 83).

Вариант 2. С 7-лепестковой розеткой.

Бляшки круглые в виде розетки с выпуклой сердцевиной и семью лепестками трапециевидной формы. Диаметр 3,1–3,5 см. Имеют три отверстия диаметром 0,2–0,3 см, пробитые с лицевой стороны. Толщина листа – 0,1–0,4 мм (рис.1, 9; 2, 2).

В инвентарной книге ГЭ учтено 175 блях, в ХИМе хранится 1 бляха (Арх.950), в МАЭСУ – 135 блях и 4 неопределимых обломка (инв. №№ 76, 77, 84, 85).

Похожую 7-лепестковую розетку имеют нащечные бляхи № 2 второго уздечного набора из Хоминой Могилы, где они обрамлены концентрическими кругами – двумя гладкими внутренними и рубчатым внешним [22, с. 220, рис. 30].

Вариант 3. С 8-лепестковой розеткой.

Бляшка не сохранилась, рисунок и упоминание о ней в ДГС отсутствует. Информацию о бляшке содержит инвентарная книга, в которую внесена следующая запись: “1853; 1/19. Бляшка бронзовая штампованная, почти круглая, в виде восьмилепестковой розетки; по краю три отверстия. Д diam. 0,027–0,03”. От двух предыдущих вариантов бляшка отличалась не только количеством лепестков, а и существенно меньшими размерами, т.е., представляла собой совершенно оригинальный вид штампа.

Если не считать круглые бляхи с “пробными” оттисками цветков из Толстой и Гаймановой Могила, Александрополь остается единственным комплексом, погребальный кортеж которого был украшен листовыми бляхами с изображением розеток. Различные растительные композиции в скифской среде приобретают наибольшую популярность именно в IV в. до н. э. Известны круглые уздечные бляхи – бронзовые, серебряные или золотые – украшенные изображением розетки (Александрополь, Чмырева, Гайманова и Толстая Могила) [4, табл. VII, 12; XIII, 9; 16, рис. 59; 61; 20, рис. 22, 6, 7; 8, рис. 287; 298]. Значительно богаче подобные орнаменты репрезентованы золотой пластинчатой аппликацией. Увеличение доли растительных сюжетов среди образов, используемых при ее изготовлении, А.Ю. Алексеев рассматривает как важный хронологический индикатор для определения более поздних комплексов [23, с. 38], причем подобную тенденцию наглядно демонстрирует состав

бляшек из самого Александрополя, отличающийся разнообразием растительных аппликаций. Использование в декоре погребального кортежа бляшек-розеток отражает, вероятно, общую тенденцию эстетических предпочтений второй половины IV в. до н. э.

Обращает внимание двукратное превышение блях с 6-лепестковой розеткой над бляхами с 7-лепестковой розеткой. Возможно, это отражает особенности декора, в котором ряд 7-лепестковых розеток был обрамлен по обе стороны 6-лепестковыми розетками.

Несомненную связь украшений погребального кортежа с пластинчатой аппликацией демонстрируют и пластины в виде “бегущей волны с головой хищника” (рис. 3, 2, 5). Наиболее близкие аналогии они обнаруживают среди “волютообразных” бляшек из Огуза [24, с. 132; рис. 3, 39] и бляшек “с протомой пантеры” из Вишневой Могилы [25, с. 132; рис. 4, 4, 5], причем последнюю бляшку авторы публикации также связывают с александропольской пластиной. По-видимому, при изготовлении блях-розеток и зооморфных пластин из Александрополя мастер подражал популярным образам золотой пластинчатой аппликации.

В настоящее время известно около 20 комплексов, содержащих круглые листовые бляхи в количестве от одного экземпляра до нескольких сотен. Сводки данных комплексов неоднократно публиковались [7, с. 318; 8, с. 252; 9, с. 106; 10, с. 46], что освобождает от необходимости дублировать эту информацию. В свое время С.В. Полин, сравнивая размеры блях набора из Бабиной Могилы с другими комплексами, нашел соответствие столь же широкому по параметрам диапазону только среди блях Краснокутского кургана [7, с. 318]. Проведенный анализ продемонстрировал, что к указанным двум курганам следует с полным основанием отнести и комплекс александропольских блях, имеющих следующий диапазон диаметров – 1,8–1,9; 2,5–2,6; 2,7–3; 3,1–3,5 (с розетками); 3,7–3,8; 3,8–7,8 см.

Помимо стандартного набора украшений погребального кортежа (кроме круглых блях чаще всего встречаются треугольные и ромбовидные, трубочки-пронизки, муфточки, а также навершия), исследователи отмечают в некоторых случаях использование нетипичных изделий. Так, в Огузе была обнаружена бляха в виде антропоморфного силуэта (змееногая богиня) и большие ажурные пальметты [10, с. 46], в Бабиной Могиле – пластина в виде орла (рис. 3, 7, 8) [7, с. 318, 319, рис. 52, 1; 54, 1]. Комплекс подобных “нестандартных украшений” Александропольского кургана, обнаруженных совместно с остатками погребального кортежа, отличается еще большей репрезентативностью. Это пять 11-лепестковых вырезных пальметт, 60 (по инвентарной книге – 59: 33 – “вправо” и 26 – “влево”) пластин в виде “бегущей волны” с головой хищника с раскрытой пастью, три пластины с изображением “крылатого единорога” (рис. 3, 2, 3, 5, 6) [4,

табл. V, 2, 4–6]. С.В. Полин в поисках аналогий пластине в виде орла из Бабиной Могилы указал на упомянутые в ДГС “контурные изображения быка, орла, каких-то фантастических животных” из Александропольского кургана, отсутствие описание которых препятствовало корректному их сравнению [4, с. 4; 7, с. 319]. Использование в качестве источника эрмитажной инвентарной книги позволяет решить и эту проблему. Перечисленные на четвертой странице ДГС предметы относятся к находкам 1852 года. “Бык” - это пластины с изображением протомы козла влево и вправо, их рисунок известен (рис. 3, 1, 4) [4, табл. V, 1, 3]. “Фантастические животные” - выше упомянутые пластины в виде “бегущей волны” с головой хищника, более широко представленные среди находок 1853 года (рис. 3, 2, 5). Упоминания об изделиях с изображением орла среди находок 1852–53 гг. отсутствуют и в ДГС, и в инвентарной книге. Поэтому пластина в виде орла из Бабиной Могилы остается уникальной. В то же время, отмеченный С.В. Полиным примитивизм замысла и его воплощения, свойственный пластине в виде орла, в какой то мере присущ и вырезным пальметтам, и крылатому единорогу из Александрополя (рис. 3, 3, 6). Не исключено, что их ваяла рука одного и того же мастера-жестянщика, более привычная к вырезанию круглых блях и подвесок-лунниц, нежели сложных фигурных изделий. Характерно, что и на орле, и на единороге отдельные черты переданы посредством гравировки, в обоих случаях грубой и неумелой.

Таким образом, комплекс украшений погребального кортежа Александропольского кургана, открывшего в 1853 году серию находок подобного круга, до сих пор остается наиболее репрезентативным и по количеству обнаруженных предметов, и по их разнообразию. Такую представительность следует связывать не только с высоким статусом покойника, но и с количеством повозок, захороненных в кургане. Во входной яме боковой северо-восточной гробницы было найдено 6 колес от двух повозок [26, с. 103, 110]. Кроме этого скопление железных шин и скреп “весом до 5 пудов” в центре кургана, по подсчетам С.В. Полина, соответствует минимум 10–15 колесам [8, с. 280, 281], т.е., самое малое еще трем повозкам, а общим числом – не менее пяти.

Ареал распространения украшенных погребальных повозок ограничен исключительно степным регионом (остатки шин от колес, но без каких-либо украшений, обнаружены лишь в кургане у г. Сумы Н.Е. Макаренко в 1915 г. [6, с. 21]). Отсутствие подобных находок в регионах Лесостепи, где в качестве свидетельства присутствия степного этноса рассматривается парадное оружие, кубки генеалогической серии и прочее, должно приниматься во внимание при построениях этнических карт. Вероятно, комплекс украшений погребального кортежа является более чутким по сравнению с предметами роскоши этноиндикатором,

который лесостепным населением, включая местную аристократию, очень восприимчивую к новациям материальной культуры, так и не был усвоен, возможно, в силу предельной чуждости.

ДЖЕРЕЛА ТА ЛІТЕРАТУРА

1. Тункина И.В. Сокровища Литого кургана и академик Г.Ф. Миллер // ВДИ. - 2006. - № 3. - С. 135 - 153.
2. Бабенко Л.И. К истории коллекции предметов из Литого (Мельгуновского) кургана // РА. - 2012. - № 3. - С. 20 - 27.
3. Бабенко Л.И. Навершя з Олександропільського кургану у збірці Харківського історичного музею // Дев'ятнадцяті Сумцовські читання. - Харків: Майдан, 2013. - С. 219 - 225.
4. Древности Геродотовой Скифии: Сборник описаний археологических раскопок и находок в Черноморских степях. - Вып. I. - СПб, 1866. - 28+XVI с.+XXI табл.
5. Лазаревский Я. Александропольский курган. Могила скифского царя // ЗРАО. - 1894. - Т. 7. - Вып. 1 - 2. - С. 24-46+Табл. I - XVI.
6. Мелюкова А.И. Краснокутский курган. - М.: Наука, 1981. - 111 с.
7. Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы). - К.: Издательский дом "Стилос", 2005. - 600 с.+24 табл. цв. илл.
8. Бидзиля В.И., Полин С.В. Скифский царский курган Гайманова Могила. - К.: Издательский дом "Скиф", 2012. - 752 с.
9. Болтрик Ю.В., Савовский И.П. Курган Плоская Могила // Курганы Степной Скифии. - К.: Наук. думка, 1991. - С. 98 - 107.
10. Болтрик Ю.В. Повозки как показатель целостности комплекса скифского кургана // Эпоха раннего железа. - К. - Полтава, 2009. - С. 39 - 47.
11. Кашеварова Н. Обґрунтування історичних прав на українські території в ідеологічній доктрині нацизму: промова гаупттайнцафюрера Оскара Венднагеля на відкритті історико-археологічної виставки у Харкові 1 листопада 1942 р. // Архіви України. - 2005. - № 1 - 3 (256). - С. 221 - 232.
12. Зайцев Б.Н., Латышева В.А. Археологический музей Харьковского университета // ВХУ. - 1992. - № 362: История. - Вып. 25. - С. 103 - 110.
13. Бабенко Л.И., Вальчак С.Б. Еще раз об атрибуции черногоровских удил: 20 лет спустя // Проблемы истории и археологии Украины. - Харьков, 2012. - С. 25.
14. Пеляшенко К.Ю. Античний глечик із розкопок Д.І. Багалія (з фондів ХІМ) // Дев'ятнадцяті Сумцовські читання. - Харків: Майдан, 2013. - С. 208 - 212.
15. Ильинская В.А. Скифская узда IV в. до н. э. // Скифские древности. - К.: Наук. думка, 1973. - С. 42 - 63.
16. Браун Ф. Отчет о раскопках в Таврической губернии в 1898 г. // ИАК. - 1906. - Вып. 19. - С. 81 - 116.
17. Болтрик Ю.В. Исследования кургана Огуз // АО 1980 г. - М.: Наука, 1981. - С. 233, 234.
18. Шауб И.Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII - IV вв. до н. э.) - СПб.: Издательство С.-Петербург. ун-та; Филологический факультет СПбГУ, 2007. - 484 с.

19. Бидзиля В.И., Болтрик Ю.В., Мозолевский Б.Н., Савовский И.П. Курганный могильник в уроч. Носаки // Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки. - К.: Наук. думка, 1977. – С. 61 – 158.
20. Мозолевський Б.М. Товста Могила. – К.: Наук. думка, 1979. – 251 с.
21. Шрамко Б.А. К вопросу о значении культурно-хозяйственных особенностей степной и лесостепной Скифии // Проблемы скифской археологии. – М.: Наука, 1971. – МИА. – № 177. – С. 92 – 102.
22. Мозолевский Б.Н. Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине // Скифские древности. – К.: Наук. думка, 1973. – С. 187 – 234.
23. Алексеев А.Ю. Заметки по хронологии скифских степных древностей IV в. до н.э. // СА. – 1987. – № 3. – С. 28 – 39.
24. Фиалко Е.Е. Золотые бляшки из кургана Огуз // РА. – 2003. - № 1. – С. 124 – 133.
25. Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е. Украшения из скифских погребальных комплексов Рогачикского курганного поля // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. – Запоріжжя, 2007. – Т. XIV. – С. 51 – 93.
26. Бессонова С.С. О скифских повозках // Древности Степной Скифии. - К.: Наук. думка, 1982. – С. 102 – 117.
27. Полин С.В., Дараган М.Н. Проблемы датировки скифского царского кургана Александрополь (сезон 2006 г.) // РА. – 2008. – Vol. IV. – № 2. – Р. 146 – 163.
28. Болтрик Ю.В. Социальная структура Скифии IV в. до Р.Х., отраженная в погребальных памятниках // *Cimmerians. Scythians. Sarmatians.* – Krakow: Księgarnia akademicka, 2004. – С. 85 – 90.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРІВ

Бабенко Леонід Іванович – старший науковий співробітник відділу археології Харківського історичного музею.

Наукові інтереси: проблеми скіфської археології.

Задніков Станіслав Анатолійович – молодший науковий співробітник Музею археології та етнографії Слобідської України Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна.

Наукові інтереси: проблеми скіфської археології.

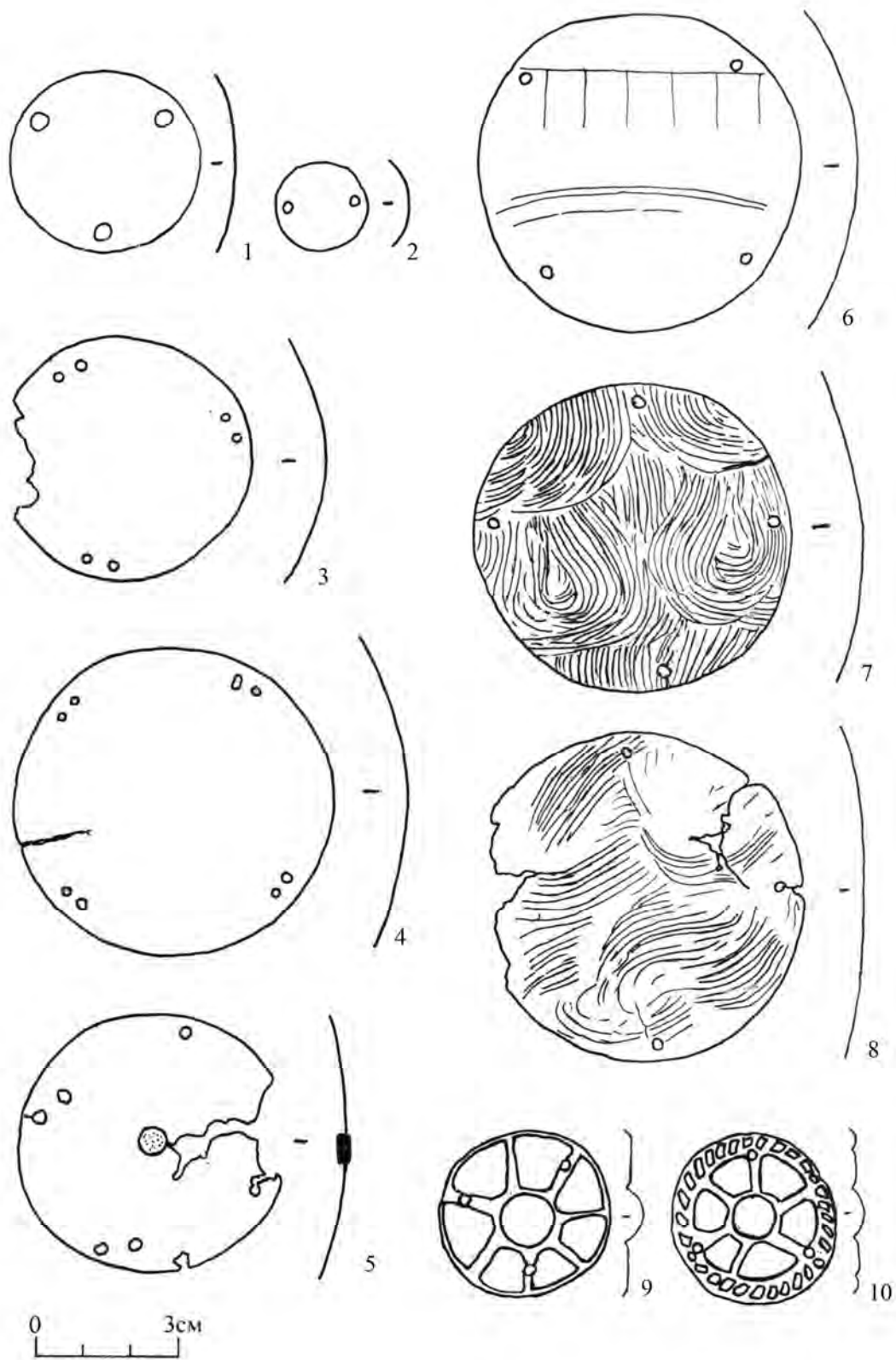

Рис. 1. Круглые листовые бляхи из Александропольского кургана.
Материал: 1–10 – бронза.

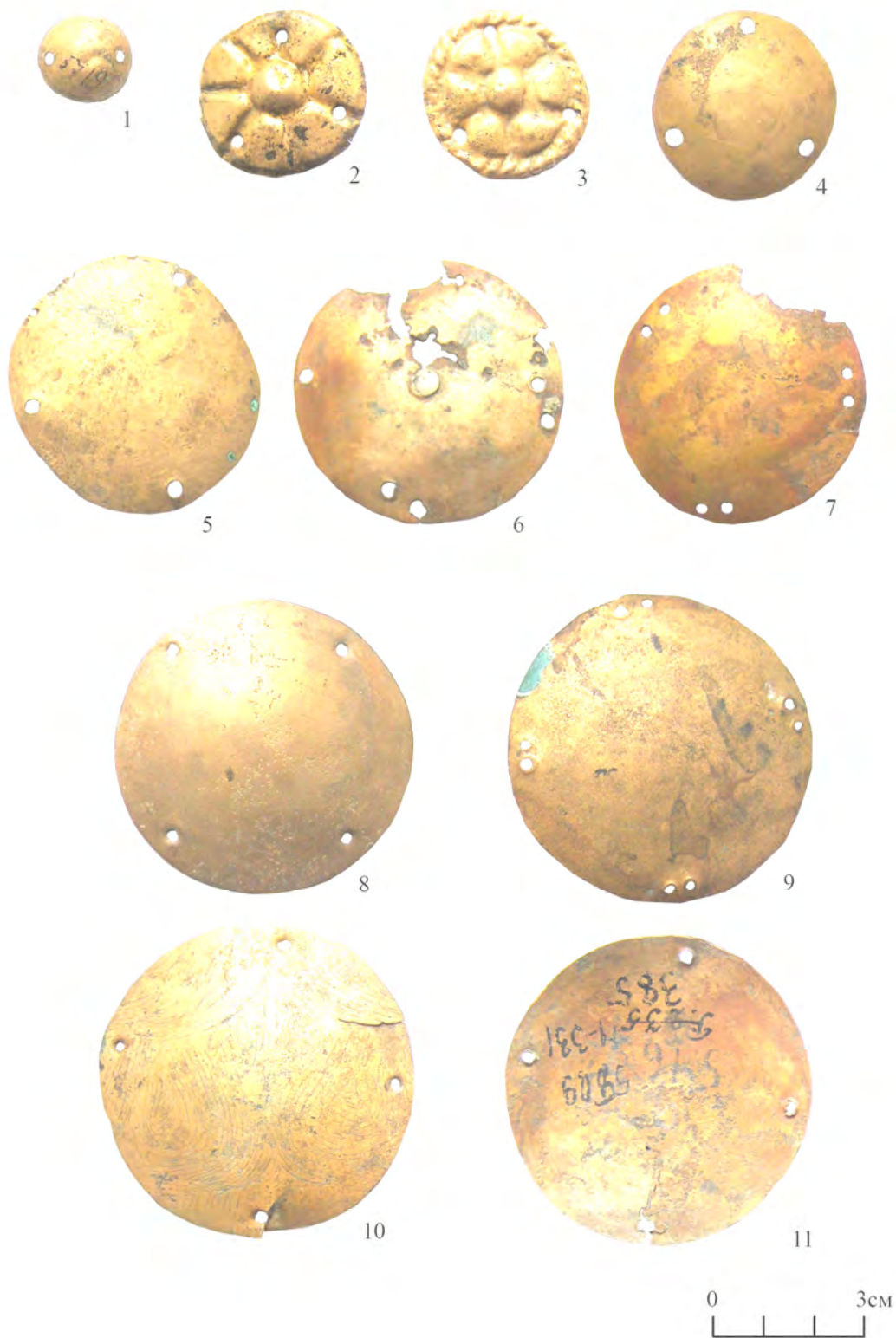

Рис. 2. Круглые листовые бляхи из Александропольского кургана.
Материал: 1–11 – бронза.

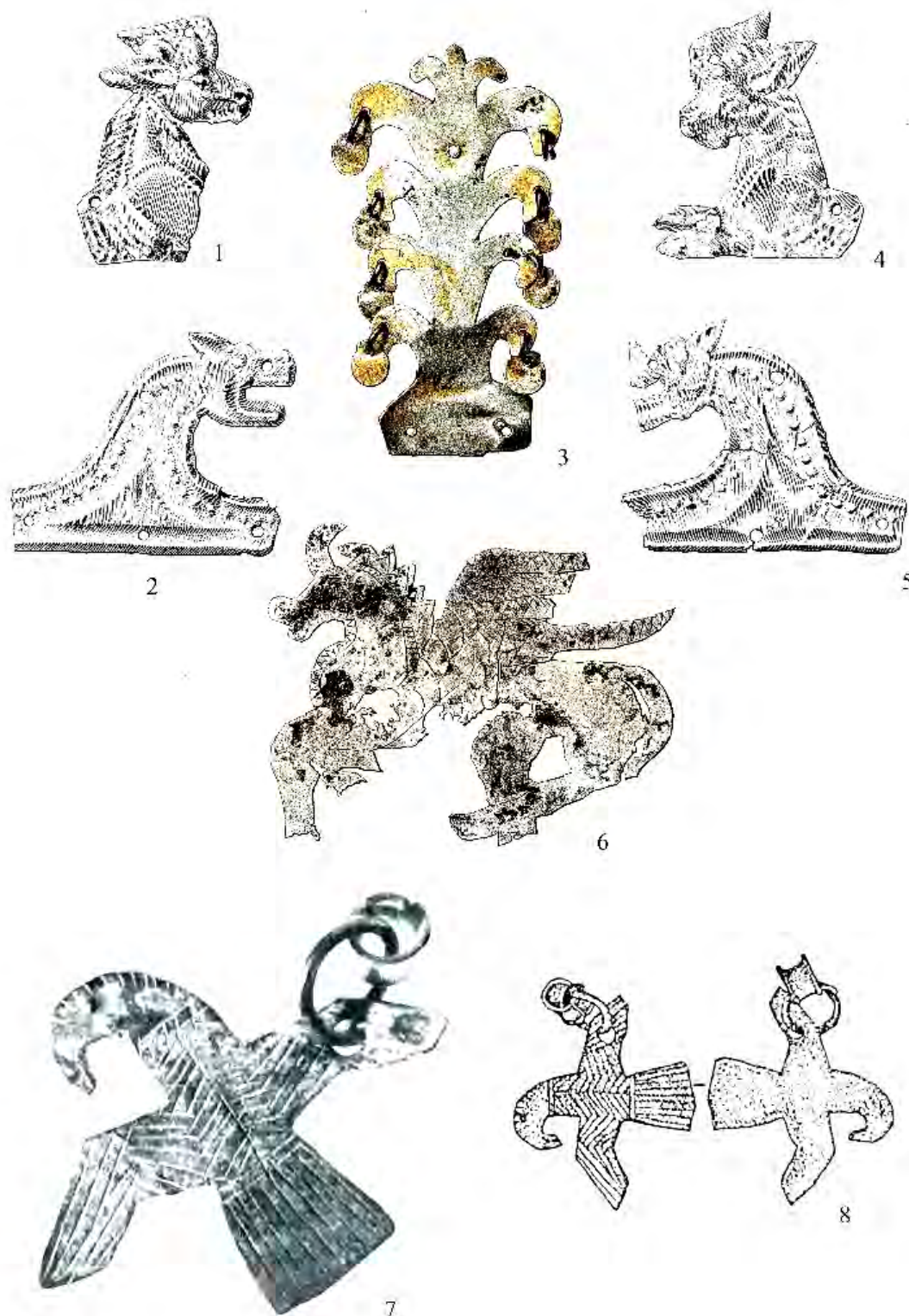

Рис. 3. Украшения погребального кортежа из Александропольского кургана (1–6 [4, табл.V, 1–6]) и Бабиной Могилой (7, 8 [7, рис. 52, 1; 54, 1]). Материал: 1–8 – бронза (без соблюдения масштаба).